

И.М. Эрлихсон

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ О. СИДНЕЯ В 60-Е ГОДЫ XVII ВЕКА
(по материалам «Придворных максим», 1665)**

Анализируется политический трактат «Придворные максимы», принадлежащий перу одного из выдающихся английских мыслителей XVII века Олджернона Сиднея (1622–1683). В историографии, особенно зарубежной, к его жизни стали обращаться еще в XVIII веке, в XX веке интерес к его наследию неуклонно возрастал, при этом единой точки зрения относительно характера его политических убеждений не сложилось. В статье, наряду с мнением о Сиднее как классике либерального конституционализма, представлено и другое мнение, согласно которому Сидней является апологетом английского республиканизма, чьи оригинальные теоретические изыскания были подкреплены практической деятельностью, в частности введенные в оборот новые источники, в том числе «Придворные максимы» (1665), обнаруженные в 1970-х годах и позволившие проследить эволюцию политических воззрений мыслителя. В анализируемом трактате Сидней обращается к ключевым вопросам политической философии своего времени: проблеме свободы и рабства, разделения властей, границ королевской прерогативы, причин реставрации монархии, борьбы с коррупцией, взаимоотношений личности и государства.

О. Сидней, Англия, республиканизм, абсолютизм, Реставрация, свобода, общественная мысль.

Олджернон Сидней (1622–1683) — уникальная фигура XVII столетия, чей жизненный путь тесно связан с событиями этой противоречивой, богатой на события эпохи. Потомок одного из знатнейших аристократических родов Англии, он получил прекрасное домашнее образование, продолженное в Голландии и Франции, и с ранней молодости стал обнаруживать «вполне демократические симпатии». Обрисовывая этапы бурной парламентской карьеры Сиднея в 1640–1650 годах, М.М. Ковалевский выделял присущие Сиднею отчаянную храбрость, прямоту и принципиальность, которые позволили ему «явиться неустрашимым защитником парламентских вольностей против солдатчины»¹.

После Реставрации О. Сидней покинул Англию и за время эмиграции объездил практически все страны континентальной Европы, завязал знакомства со многими выдающимися людьми, изучал разнообразнейшие общественные и политические учреждения. В 1684 году в ходе судебных процессов по делу об антиправительственном заговоре и покушении на жизнь короля Сидней оказался в числе главных действующих лиц. «Неизвестно, принимал ли Сидней участие в этом заговоре, но очевидно то, что он сыграл не последнюю роль в попытках вигов поднять восстание»².

Два главных труда Сиднея, в которых в полной мере представлены его взгляды на ключевые вопросы политической философии, — «Придворные максимы» (1665) и «Рассуждения, касающиеся правительства» (1681–1683) — не были опубликованы при жизни автора. Рукопись «Придворных максим», написанная им в начале второй Англо-датской войны в 1665 году, была обнаружена в 70-х годах XX века оксфордским историком Блэром Уорденом. Представляется интересным проанализировать этот текст, как исследованный в меньшей степени, особенно в отечественной историографии, и показать специфику развития республиканских идей в общественно-политической публицистике эпохи Реставрации.

¹ Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. М., 1906. (Тип. И.Д. Сытина). Т. 3. С. 23–24.

² Worden B. The commonwealth kidney of A. Sidney // Journal of British studies. 1985. Vol. 24. P. 12. Также см. труды, посвященные биографии и творчеству О. Сиднея: Corniff J. Reason and history in early whig thought. The case of Algernon Sydney // Journal of British Studies. 1982; Multamaki K. Towards Great Britain. Commerce and conquest in the thought of Algernon Sidney and Charles Davenant. Helsinki, 1999; Pocock J. Machiavelli, Harrington and English political ideologies in the eighteenth century // Politics, language and time. Essays on political thought and history. N.Y., 1971; Scott J. Algernon Sidney and the English republic. 1623–1677. L., 1988; Scott J. Algernon Sidney and the Restoration Crisis, 1677–1683. Cambridge, 1991; Sellers M.N. The sacred fire of liberty. Republicanism, liberalism and the law. L., 1998; Заводовская М.А. Политическая деятельность и общественные взгляды Алджернона Сиднея: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011.

Персонажи «Придворных максим» — Эномий и Филалет, и если последнего Сидней с долей иронии характеризует как «честного и добродетельного придворного», то происхождение и род занятий Эномия остаются для читателя загадкой, так как под маской этого персонажа может скрываться как аристократ, принимавший непосредственное участие в событиях гражданской войны на стороне оппозиции, так и представитель джентри, также не оставшийся в стороне на протяжении двух предшествующих Реставрации десятилетий. Можно предположить, что собеседники, ведущие неспешный разговор в уединении классического английского парка, еще недавно придерживались разных политических взглядов, хотя тональность их диалога явно выдает людей, связанных узами долголетней крепкой дружбы. Это проявляется, во-первых, в расточаемых комплиментах и уверениях во взаимной приязни, а во-вторых в выборе достаточно рискованного предмета для дискуссии, что свидетельствует о высокой степени доверия между ними. Определенно, Эномий старше и опытнее Филалета. На протяжении беседы последний постоянно апеллирует к его авторитету, благоразумию и беспристрастности, внимательно прислушивается к его доводам: «Я стремлюсь к людям, полным здравого смысла, не ставящим личные интересы во главу угла и тем самым не дающим усомниться в добродетельности своей. Неизменная честность твоя лишней раз подтверждает твою преданность. Твой опыт и благоразумие вдохновляют меня. Я уверен в тебе и потому с легкостью поведаю о том, что у меня на душе, и с готовностью приму, если ты скажешь, что все беды мои лишь от слабости характера или же от того образа жизни, который я сам навязал себе»³. Последняя фраза наводит на мысль, что под глянцем образцового придворного Филалет скрывает глубокую душевную неудовлетворенность, истоки которой не может выявить и проанализировать, что и заставляет его обратиться за советом к другу. Эномий также высоко оценивает своего собеседника, как человека с хорошими задатками, запасом природного здравомыслия и добродетели, перед которыми оказались бессильны соблазны придворной жизни. Так, Эномий с удовлетворением и оттенком гордости констатирует: «Вижу я, мой друг Филалет, капризный уклад придворной жизни не смог сломить тебя, а потому говорит в тебе воспитание, которое подарил тебе твой благочестивый отец, и ростки добродетели не иссохли в твоём сердце, раз ты хочешь узнать, что истина, а что есть ложь»⁴. Во второй половине XVII века мыслители часто выстраивали политические и философские трактаты как серию диалогов между вымышленными персонажами, один из которых, действующий из лучших побуждений, но идейно дезориентированный, в итоге приходит к истине под воздействием рациональных и объективных аргументов, а второй — альтер-эго самого автора, устами которого тот излагает свою точку зрения по той или иной проблеме⁵.

Филалет тщится постичь парадоксальную, с его точки зрения, но вполне объяснимую, с позиции Эномия, вещь: почему столь желанная реставрация королевской власти не принесла полного удовлетворения ни одной из сторон, каждая из которой по своим причинам стремилась поставить точку в затянувшемся гражданском конфликте? Его «беспокойства» сводятся к трем пунктам: «Во-первых, я не в силах понять, почему народ Англии, так страстно жаждущий короля, сейчас кажется совершенно неудовлетворенным им... во-вторых, король, достигший того, что было за пределами его собственных ожиданий, до сих пор страдает от собственных сомнений, страхов, малодушия и излишних переживаний... в-третьих, почему я и многие мне подобные, достигнув таких высот, обретя богатство, власть и уважение, до сих пор чувствуем себя лишенными чего-то»⁶. И Эномий дает ему настолько обстоятельный и аргументированный ответ, что, исходя из того, как четки, логически выверены его умозаключения и безупречна их последовательность, складывается впечатление, что он и сам посвятил немало времени размышлениям на эту тему. Итак, причины недовольства каждой из обозначенной сторон — королевской власти в лице Карла II, роялистов и английского народа — состоят в следующем. Король не имел практического опыта государственной деятельности и лелеял мечту об абсолютной власти, ставшей для него маяком, зыбкий свет которого освещал ему путь из тягот и унижений эмиграции, и это сыграло с ним злую шутку, так как реалии постреволюционной Англии значительно отличались от его представлений о ней. «Король верил, что корона — это свет и величие. Он ни разу не надевал ее, и поэтому не ведал, что это терновый венец. Он не знал,

³ Sidney A. Court Maxims. Cambridge, 1996. P. 3.

⁴ Sidney A. Court Maxims. Cambridge, 1996.

⁵ Tyrrell J. Bibliotheca politica: or an enquiry into the ancient constitution of the English government ... considered in thirteen dialogues. Epistle dedicatory. L., 1694; Neville H. Plato redivivus, or, A dialogue concerning government // Two republican tracts / ed. by C. Robbins. Cambridge, 1969. P. 85.

⁶ Sidney A. Court Maxims. P. 3.

сколько ловушек ему уготовили ближние, да и не знал он, как опасно недовольство его народа»⁷. Устами Эномия Сидней дает невысокую оценку политическим талантам Карла, что, учитывая патологическую ненависть автора «Максим» к династии Стюартов, вполне объяснимо. Титанические усилия, предпринимаемые Карлом для возвращения престола, Евновий пренебрежительно называет «нехитрыми уловками», заключая, что если они и позволили незадачливому монарху прийти к власти, то их будет явно недостаточно, для того чтобы всецело насладиться ею. На наш взгляд, Сидней с равной долей необъективности оценивал как управленческий и дипломатический потенциал Карла, этого «августейшего мастера выживания»⁸, так и степень шаткости английского престола и приверженности англичан республиканским идеалам, оптимистически заявляя, что тем политическим силам, которые поддерживали короля, едва ли на долгое время хватит сил и искусности, чтобы не дать свергнуть его с трона, на который он взошел по общему желанию. Здесь необходимо акцентировать внимание на том, что «Придворные максимы» создавались во время второй Англо-голландской войны 1665–1667, в ходе которой политический эмигрант «Сидней вел переговоры с голландским правительством, предлагая сформировать отряды из английских революционеров-изгнанников, чтобы с их помощью осуществить вторжение в Англию и восстановить Долгий парламент»⁹. Как декларировал сам Сидней, «Придворные максимы» были «призывом к объединению тех, кто находился в оппозиции к Стюартам, — «диссентерам, милленариям, эмигрантам и, если получится, голландцам»¹⁰.

Далее Эномий анализирует причины недовольства старых роялистов, которые, по его словам, «надеялись на вознаграждение за свою службу, о которой были крайне высокого мнения». И хотя не все старые роялисты, заявляет Филалет, получили компенсацию, адекватную потерям за преданность династии, и были допущены к участию в политической жизни, как, например, Уильям Кавендиш¹¹, он и ему подобные не знают отказа «в службе, приказах, почестях и богатстве». Так почему же, восклицает он, «мы все равно несчастны, как будто бы у нас ничего и нет?»¹². Сидней объясняет этот кажущийся парадокс чисто с психологической точки зрения: когда процесс достижения цели затягивается на чересчур длительный период, конструируемый воображением образ желаемого объекта становится настолько притягательным, что затмевает сам объект. Эта закономерность проявляется особенно выпукло, когда в качестве цели видится обладание материальными благами и удовлетворение низменных инстинктов. Но это путь тупиковый, с точки зрения республиканцев, традиционно отдававших приоритет гражданским добродетелям и высшим духовным ценностям, доказательством чему является то, что даже люди, «не видящие истинную природу вещей», в бесконечной погоне за суетными удовольствиями и наслаждениями, в глубине души все-таки ощущают смутное беспокойство и не могут отделаться от навязчивой мысли о бессмысленности и пустоте «навязанного им» образа жизни. Как говорит Филалет, они пытаются искусственно заполнить этот вакуум интригами, пирами, маскарадами, что еще глубже загоняет их в клетку собственного эго, выбраться из которой у них нет ни желания, ни сил. Любопытно, что именно в уста Филалета автор вкладывает небольшой исторический экскурс, позволяющий проследить эволюцию некогда могучей английской аристократии эпохи Средневековья до современной ему развращенной придворной камарильи. Пятый диалог посвящен доказательству следующего положения: «Монархия будет в безопасности, лишь когда аристократия будет подавлена, ослаблена или станет продажной». На разумное замечание Эномия, что аристократия является фундаментом величия монархии, Филалет снисходительно отвечает, что не стоит принимать слишком много на веру и что «в большинстве все те, кто «носят великие звания и орденовые ленты, не есть аристократия, а придворные марионетки без роду, племени и звания»¹³. К. Скиннер писал, что в трудах неоримских авторов, к числу которых он относил О. Сиднея, часто выступает «фигура

⁷ Ibid. P. 6.

⁸ Кут С. Августейший мастер выживания. Жизнь Карла II. М.: АСТ, 2004. 446 с.

⁹ Эрлихсон И.М. Эволюция английской республиканской утопии в эпоху Реставрации // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 155.

¹⁰ Introduction // Sidney A. Court Maxims. P. XVI.

¹¹ Уильям Кавендиш, герцог Ньюкасл (1592–1676) — английский политик, военный, дипломат. Убеденный роялист, воспитатель будущего короля Карла II, во время гражданской войны командовал королевскими войсками в Северной Англии. После поражения кавалеров в битве при Марстон Муре (1644 год) эмигрировал, после Реставрации 1660 года вернулся в Англию, где получил титул герцога.

¹² Introduction. P. 5.

¹³ Ibid. P. 66.

независимого провинциального джентльмена как главного оплота морального достоинства в современном обществе», который противопоставляется развращенным и раболепствующим лакеям и шутам. В случае Сиднея гипотеза о подобном противопоставлении справедлива лишь отчасти. Едва ли потомок древнейшего знатного рода, демонстрировавший на страницах своих произведений изрядную долю аристократического высокомерия, стал бы излишне идеализировать представителей джентри. Можно предположить, что линией водораздела между подлинными аристократами и придворными, по мысли Сиднея, является Война роз, оборвавшая генеалогические древа многих древних аристократических родов и освободившая вакантные места около престола воцарившихся на нем Тюдоров ¹⁴. Это в очередной раз указывает на факт идеализации Сиднеем старых «дотюдоровских» лордов, которые «несмотря на политическую активность (около 30 % от общего числа) оказались в стороне от политических перипетий второй половины XV столетия» ¹⁵. «Новая» аристократия, более зависимая от королевской власти, по логике рассуждений Сиднея на протяжении долгого времени подвергалась систематическому и целенаправленному разложению, целью которого было превратить ее в послушное орудие монархии. «Не нужно срезать самые высокие колосья, достаточно удобрить другие, чтобы они над ними возвышающиеся перерости смогли. Ничто так не возвышает короля в глазах подданных его, как возможность выйти из самого плачевного состояния, обретя его милость и то, чего родовые аристократы не смогли добиться за многие годы своей службой и кровью. Все жаждут почестей и богатства. А получить это можно лишь особым способом. Служба при дворе есть простой и приятный способ, участие в войне — сложный и опасный. Правда, подло это и низко, приходится поступаться честью и совестью ради корысти, но разве это их заботит?» ¹⁶. Конечно, при таком режиме можно и процветать, хотя Сидней снова и снова повторяет, что в этом случае государству захотят служить только худшие» ¹⁷. Естественно, английские короли не изобретали этот сомнительный способ укрепления своего могущества. Подобными примерами изобилует римская история. «Тацит бесчисленными примерами доказал, что первым действием римских тиранов было искоренение добродетели, бесстрашия и благоразумия в сердцах *аристократии* и простого народа, что само по себе есть непростительное злодеяние» ¹⁸.

И вот когда степень близости к монаршей персоне становится высшим благом и мерилom общественного признания, человек вовлекается в порочный круг, проматывает состояние и тем самым вовлекается в еще большую зависимость как от короля, так и любого человека без рода, без племени, вхожего ко двору. «Если сущность людей в том, чтобы быть автономными создателями ценностей, которые сами себе — цель, если обосновано это именно тем, что они наделены свободной волей, то нет ничего хуже, чем обращаться с ними как с неодушевленными предметами, подверженными причинным влияниям, которые находятся во власти внешних воздействий, и чьим выбором можно манипулировать с помощью угроз и вознаграждений», — писал философ и историк XX века Исая Берлин ¹⁹. В погоне за сиюминутным успехом «счастливицы», приближенные ко двору, по инерции «тратят свои богатства на домашнее хозяйство, еду, кареты, азартные игры и дам, в совершенстве владеющих искусством опустошения кошельков» ²⁰. Тот же, кто пытается остаться вдали от двора, подвергается осмеянию и публичному ostracismy, его называют фанатиком и, чтобы отмыться от упреков и обелить свое «доброе» имя, он должен «погрязнуть в распутстве и пьянстве», после чего мышеловка захлопывается. Здесь логика Сиднея созвучна одному из постулатов классического республиканизма об обязательности высоких гражданских добродетелей, являющихся гарантом внутренней свободы, утрата которой оборачивается тиранией собственных желаний, неизбежно перерастающей в тиранию государства

¹⁴ Здесь едва ли можно согласиться с О. Сиднеем, так как согласно данным, приведенным в издании «The Complete Peerage» (L., 1887–1898), в 1455 году в Англии насчитывалось 92 титула, в 1485 году из них пресеклись 16, но появилось 8 новых, 18 перешли к представителям других династий. Таким образом, подавляющее большинство династий сохранили принадлежащие им титулы (58 титулов).

¹⁵ Праздников А.Г. Социальные стратегии английских лордов периода Войн роз // Проблемы и перспективы социально-экономического развития на макро- и микроуровне: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Киров: Вятская ГСХА, 2016. С. 133. Также см.: Праздников А.Г. Лорды периода Войн роз: модели социального поведения в период политического кризиса 1452–1461 годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2016. № 3(52). С. 38–43.

¹⁶ Introduction. P. 68.

¹⁷ Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Евр. ун-та, 2006. С. 80.

¹⁸ Sidney A. Court Maxims. P. 84.

¹⁹ Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 53.

²⁰ Sidney A. Court Maxims. P. 69.

и превращающей граждан в послушных исполнителей чужой воли. Таким образом, возвышая тех, кого Сидней именует «придворными марионетками», королевская власть пытается минимизировать участие в политической жизни государства потомков «могущественной, добродетельной, воинственной родовой аристократии», опираясь на тех, кто полностью обязан ему физическим выживанием и продвижением по карьерной лестнице.

Позиция Сиднея по данному вопросу, на наш взгляд, наиболее полно раскрывается с учетом следующих моментов. Во-первых, нельзя не учитывать влияние концепции Джеймса Гаррингтона, полагавшего, что законодательная власть должна быть сосредоточена в сенате, избранном из числа дворян, ибо «мудрость республики есть аристократия». Согласно гуманистической традиции, Гаррингтон связывал превосходство по заслугам с превосходством по состоянию и происхождению, ибо политику нельзя понять не изучая, а изучение на практике возможно только для занятых умственным трудом, представителей которого он называл «естественной аристократией». «Вряд ли следует удивляться тому, что после реставрации британской монархии и Палаты лордов в 1660, точка зрения Гаррингтона возобладала даже среди самых радикальных неоримских авторов, писавших о свободных республиках. <...> Сидней, как это и приличествовало, безусловно, сыну графа, еще более энергично говорит о необходимости в «великом и храбром дворянстве», которое умерило бы абсолютизм монархии и неумеренность масс (multitude)»²¹. И, наконец, в рассуждениях Сиднея налицо достаточно грубая идеализация прошлого и неприятие настоящего, а иначе как можно интерпретировать предлагаемую им трактовку причин морального разложения потомственной аристократии: «...новые придворные своим нахальством и жестокостью ломают волю потомственных дворян, с ними не считаясь, обманом и хитростью их подчиняя и губя. И они сами становятся воплощением подлости и убожества. И если в былые времена аристократия всеми силами сохранить пыталась свободы народа, сделать его счастливым, то сейчас она старается довести его до нищеты, ослабить, подавить и уничтожить»²². Такое прямолинейное морализирование и упрощение сложных процессов стратификации структуры английского общества явно не относится к числу самых сильных сторон «Придворных максим».

И, наконец, третья сторона, пострадавшая более всего от реставрации монархии, — это английский народ, который принял роковое решение, от которого его несколько запоздало пытался отговорить страстный апологет республиканизма Джон Мильтон в своем трактате с выразительным названием «Скорый и легкий путь к установлению свободной республики в сравнении с теми опасностями, которые таит в себе возвращение монархии», вышедшем в феврале 1660 года. Тогда Мильтон пророчески предупреждал, что, сунув голову в знакомый капкан и восстановив институт монархии, англичане не просто станут посмешищем для всей Европы, но и очень быстро испытают раскаяние, симптомы которого так живо и красочно описывает Эномий. По его словам, англичане стали жертвой грандиозного обмана, в ходе которого в их сознание был внедрен образ благородного и мудрого короля, имевший мало общего с Карлом II, презревшим народные чаяния и вероломно нарушившим данные в Бредской декларации обещания. «Народ верил, что король, помня о судьбе своего отца, не посмеет посягнуть на свободы своих подданных. Верил, что, пройдя школу скорби и страданий, он научится умеренности и во времена процветания. Верил, что опыт, который он получил в других странах, станет его оружием против обмана и лицемерия при дворе, что он не отступит ни перед чем, кроме справедливости и здравомыслия. И был он представлен народу, как образец добродетели, знавший немало страданий и призванный на престол на пике своей силы. И народ поверил, что он — совершенный правитель», — горько сетует Эномий²³. Кто именно заставил англичан поверить, «что король снимет тяжкое бремя с их плеч, что установятся справедливость, добродетель и благочестие будут поощряться, порок искореняться, народное богатство будет служить народу»? Эномий возлагает ответственность на придворных льстецов и священников, «которые довели англичан до такой степени безумия, что они возжелали рабства, а не свободы и вернули короля, которого они свергли ценой кровопролития и потери несметных богатств»²⁴.

Да это и не важно, так как итогом стали не только обратившиеся прахом надежды, но и осознание того, что факт невыполнения одной стороной обязательств автоматически означает расторжение контракта. «А теперь, когда они осознают, что нет ничего, на что они возлагали свои

²¹ Скиннер К. Свобода до либерализма. С. 41.

²² Sidney A. Court Maxims. P. 69–70.

²³ Ibid. P. 5.

²⁴ Sidney A. Court Maxims. P. 6.

надежды, имея короля, захотят всего того, из-за чего он им был нужен. Нет ничего разумнее, чем поменять свое решение и попытаться вернуть все на прежнее место», — сухо заключает Эномий, явно отсылая читателя к теории общественного договора²⁵. Стоит согласиться с М.А. Заводовской, утверждавшей, что «рассуждения о естественном праве... являются сердцевинной его [Сиднея] творческой работы, поскольку концепция договорного происхождения государства юридически обосновывает свободу человека гражданского общества»²⁶.

Англичанам под силу справиться с этой задачей, ведь народ, единожды призвавший монарха к ответу за нарушение общественного договора и покаравший его, может реанимировать революционное прошлое, так как спустя пять лет после Реставрации принципы, на которых строится вера в то, что народ должен одобрить своего государя, хоть и представлены в качестве непреложных истин при дворе, в действительности как никогда шатки. «Во-первых, монархия — это лучшая форма правления. Во-вторых, монархия должна быть абсолютной во всех ее проявлениях, как в религиозном, так и гражданском, ибо наместники божьи на земле суду мирскому не подвластны», — заявляет Филалет, очевидно ожидая бурной реакции, но его собеседник ограничивается вполне доброжелательным замечанием. «Если ты прав, то признаю я все, что ты сказал. Но прежде чем мы придем к этому, я хочу знать, что тебя заставляет верить, что монархия — лучшая форма правления, а потом мы подумаем, какая монархия лучше всего»²⁷. Классификация видов монархии у Эномия, основанная на текстах Священного Писания, начинается с *теократии*, «где один человек, живущий милостью Бога и помощью Духа Святого, полный веры, мудрости и святости, избирается Богом правителем над народом его, чтобы великую миссию выполнить, вывести его из Египта, дать им закон, направлять его, обреченного на мучения, спасти от тиранов»²⁸. Второй вид монархии — королевская власть, «не плохая и не хорошая, но настолько ограниченная, что в какой-то степени могла бы быть полезной», но, в случае выхода за свои пределы, потенциально представляющая смертельную угрозу для народа. И, наконец, третий вид монархии Эномий определяет как «всемирное зло», следствие добровольного обращения некогда свободного народа в рабское состояние. «Народ желает правителя, как в других государствах. Желанием этим отрицают они Бога, царя своего», — сетует Эномий, обращая горький упрек не к древним иудеям, к чьей истории вполне профессионально апеллирует, а к своим современникам: «Мы не были счастливы, пока не вернулись в Египет, приют нашего рабства. Бог спас нас от рабства и показал, что он царь наш, но мы вызвали из изгнания одного из порочной династии... набравшегося еще более низменных черт и привычек, чем были у отца и семьи его. Мы воздвигли себе идола и поклоняемся ему, хоть и знаем, что он испачкан кровью невинных»²⁹. При этом Эномий словно невзначай роняет фразу, что не такой он противник королевской власти, чтобы отрицать, что в отдельных случаях для некоторых народов она может быть лучшей формой правления. Так, монархия наиболее удовлетворяет потребностям рабов по рождению, «внешне подобным людям, но внутренне ничем от животных не отличающихся, глупых, подлых, направляемых лишь первобытными инстинктами, напрочь лишенных политических соображений и духовных ценностей, не способных управлять собой»³⁰. Вторая категория — это те народы, которые по своей вине потеряли свободу, приняли абсолютизм, или стали объектом завоевания. «Они достойны своих оков», — резюмирует Эномий, перечисляя страны, в которых монархический режим легитимен, — Франция, Италия и Испания. И, наконец, в третьей категории стран, к которой автор относил Англию, монархия была установлена обманным или насильственным путем. Англичане — не рабы, а *порабощенные*, но в силу своего врожденного благородства в любой момент могут прибегнуть к праву вернуть свободу, «отплатив тирану за страдания той же монетой, лишив его воли или жизни». Разница между понятиями «порабощенный» и «раб» очевидна, так как порабощенный человек остается человеческим существом, дух его свободен, он сохраняет высокие моральные качества и заслуживает уважительного обращения, хотя бы потому, что в любой момент может выйти из рабского состояния.

²⁵ Ibid.

²⁶ Заводовская М.А. К вопросу о естественном праве и теории общественного договора в трактате Алджернона Сиднея «Рассуждения о правительстве» // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 2. С. 47.

²⁷ Там же. С. 7–8.

²⁸ Там же. С. 103.

²⁹ Заводовская М.А. К вопросу о естественном праве и теории общественного договора в трактате Алджернона Сиднея «Рассуждения о правительстве». С. 197–198.

³⁰ Там же. С. 199.

Есть ли связь между степенью индивидуальной свободы и конкретной формой правления? — вопрос, на который пытались ответить классики республиканизма, начиная с Никколо Макиавелли. Сидней не был исключением. И его рассуждения о свободе и рабстве были выдержаны в духе республиканской традиции, берущей начало с римской правовой и исторической традиции, для которой отправной точкой для рассмотрения состояния свободы является противопоставление ее состоянию рабства.

Находиться в состоянии рабства — означает быть полностью исключенным, добровольно или принудительно, из политического процесса в силу нахождения под чужой, а не собственной юрисдикцией. Мы видим, что республиканское понимание свободы отлично от гоббсовской трактовки, в рамках которой «свободный человек — тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать, а свобода состоит в том, что он не встречает препятствия к совершению того, к чему его влекут его воля, желание или склонность»³¹. Здесь ключевым моментом является отсутствие *сопротивления*, то есть конкретного воздействия внешних факторов на возможность индивида реализовывать свои намерения и желания. Логика Т. Гоббса в корне противоречит республиканскому убеждению в том, что степень свободы гражданина измеряется не столько степенью, в которой он ограничен или не ограничен в своих действиях физическим или правовым образом, а насколько реализация действий свободна от опасности, что она будет ограничена. Для Гоббса, «если препятствие движению кроется в самом устройстве вещи, например, когда камень находится в покое или когда человек прикован болезнью к постели, тогда мы обычно говорим, что эта вещь лишена не *свободы*, а *способности движения*»³². Для республиканцев главное условие свободы или рабства — именно «устройство вещи», а точнее наличие или отсутствие конституционно-правовых механизмов, выступающих гарантом независимости каждого полноправного члена гражданского общества равно от злой или благой воли другого лица. «Неоримские авторы настаивают, что жизнь в состоянии зависимости также является источником и формой ограничения. Как только ты понимаешь, что живешь в таком состоянии, это само по себе ограничивает в реализации некоторых твоих гражданских прав»³³. Внутреннее устройство государства, которое допускает возможность произвола со стороны представителей власти и применения прерогативы, само по себе является причиной внутреннего дискомфорта, так как ограничивает как свободу каждого гражданина, так и гражданского коллектива в целом. Естественно, монархия, в силу того что либо вся полнота, либо львиная доля власти и авторитета сконцентрированы в руках одного человека, априори является именно тем государственным устройством, которое наиболее располагает к интригам, конфликтам и несправедливости при принятии решений. Поэтому неудивительно, что монархия, по мнению Эномия, как форма организации политического тела наиболее чревата рисками разложения составляющих ее элементов и коррупции, подобно коррозии, которая разъедает механизмы, приводящие его в действие. Органические метафоры, основанные на аналогии между естественным и политическим телом, часто встречаются в трактатах XVII столетия, что, несомненно, связано с научной революцией и успехами естествознания. «Физический порядок для человека — правильное положение всех частей тела и гармония элементов, если слегка нарушить его, человек почувствует дискомфорт, если нарушить сильно, то он, несомненно, умрет. Рациональный порядок для человека — когда первостепенное преобладает над второстепенным, мозг контролирует тело, разум управляет желаниями»³⁴. Для Филалета в политическом теле королевская воля выполняет функцию мозга, который посылает сигналы и импульсы в различные части тела, приводя их в движение. «Король — тот, чьему разуму все остальные должны подчиниться и не подвергать сомнению приказы его, рука беспрекословно должна делать то, что велит разум»³⁵. У Эномия на этот счет другое мнение. Он обращается к рассказанному Плутархом эпизоду об Аристиппе³⁶, который шел по дороге и встретил бедного философа Клеанфа³⁷, собиравшего салат у ограды, и пригласил его ко двору, сказав, что, если тот научится льстить Дионису, ему не придется ничего

³¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. : в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 163.

³² Там же.

³³ Скиннер К. Свобода до либерализма. С. 75.

³⁴ Sidney A. Court Maxims. P. 5.

³⁵ Ibid. P. 82.

³⁶ Аристипп (435–355) — греческий философ, основатель гедонизма.

³⁷ Клеанф (331–232 до н. э.) — греческий философ, ученик Зенона, один из основателей стоицизма.

собирать у ограды. На это Клеанф ответил, что если бы мог ты довольствоваться сбором салата, то тебе не надо было бы лстыть Дионису³⁸. Так всевластный монарх, как магнит, притягивает к себе людей, которые используют монаршую милость в качестве трамплина для карьерного взлета. Они достигают цели, но в отношении нравственных принципов и моральных качеств остаются не выше рабов, и потому Сидней и другие республиканцы именуют их презрительным словом *obnoxious*. «Амбиции — это интеллектуальный эквивалент запаха тела, — писал от лица римского гражданина Марка Сидония Фалкса британский историк и филолог Джерри Тонер. — Так вот, про иных вольноотпущенников можно сказать, что они не просто издают запах — они нестерпимо воняют, вызывая отвращение. После того как их официально приветствовали как римских граждан, они испытывают отчаянное желание подняться по социальной лестнице. Они упорно стремятся к успеху — надо отметить, намного упорнее свободнорожденных. Слава богам, им запрещено занимать государственные должности, иначе все они исступленно карабкались бы вверх, на самые высокие политические посты»³⁹. Эту характеристику, исходя из логики Филалета, справедливо применить к придворным властолюбцам, которые не останавливаются ни перед чем в погоне за властью и богатством: «А если мы хотим нажить состояние, мы должны слушаться и всячески угождать королю»⁴⁰. На наш взгляд, вопрос об амбициях как стимуле движения и развития физического и политического тела также требует более внимательного рассмотрения именно с точки зрения республиканизма. Ведь полноправные граждане *res publica* — это не обыватели, мирно собирающие салат со своих огородов, а люди, отличающиеся высокой степенью политического сознания, участвующих в принятии политических решений и, наконец, постоянно состязающиеся в доблести, как гражданской, так и военной. Исторически так сложилось, что классические республики были достаточно агрессивными образованиями, стремившимися к расширению своих границ за счет поглощения новых территорий. И теоретики республиканизма традиционно связывали их военные успехи с высокими моральными принципами и военной доблестью гражданского коллектива. Позиция Сиднея в данном вопросе двойственна: с одной стороны, он удостоивает сдержанной похвалы достижения Английской республики и Республики Соединенных провинций Нидерландов, но с другой — выдвигает тезис о негативных последствиях слишком активной завоевательной политики, иллюстрируя его «физиологической» аналогией. «Пища, мне подходящая, принятая в надлежащее время, в умеренных количествах, хорошо переваренная, восстанавливает силы и подпитывает меня. Подобно этому, и завоевание может принести пользу, если соответствует государственному строю и не приводит к его ухудшению порядка и поведения людей, ибо это есть яд, а не пища. И следует их соразмерять с мощью государства, которое к ним стремится»⁴¹. Сидней приводит невеселый перечень государств с монархической и республиканской формами правления, которых сгубил «неумеренный аппетит». Среди них и славный город Венеция, оказавшийся на грани краха из-за непреодолимого желания завладеть Палестиной, и Испания, «некогда грозная и воинственная, а теперь также ослабевшая, разрушенная и обезлюдившая»⁴². Любопытно, что Сидней поднимает важную проблему о моральном праве того или иного государства инициировать военный конфликт: «Не стоит забывать и о морали. Недостаточно видеть лишь то, что хорошо для меня, важно, имею ли я на это право. Государство должно учитывать, не сколько пользы принесет завоевание, а имеет ли оно право развязать войну»⁴³. Но, хотя эта тема не получила полноценного развития, можно предположить, что Сидней, как достойный последователь Макиавелли, отдавал предпочтение воинственному объединению с целью разрастания или расширения, покоряющему или *освобождающему* других людей. И хотя он не писал об этом прямо, но из посылок его рассуждений, где сравнивается эффективность внешней политики монархий и республик, логически рождается вывод о том, что международная стабильность во многом зависит от формы политического устройства и социальной природы государств.

Итак, анализ «Придворных максим позволяет сделать следующие выводы. Данный трактат является своего рода “пробой пера”, теоретическим плацдармом для выработки идей, которые спустя много лет будут воспроизведены и развиты в «Рассуждениях о правительстве». О. Сидней буквально в каждом абзаце демонстрирует исключительную эрудицию, щедро включая в текст

³⁸ Sidney A. Court Maxims. P. 85–86.

³⁹ Тонер Дж., Марк. Сидоний Фалкс. Как управлять рабами. URL: <http://mreadz.com/read-276804/p58>.

⁴⁰ Sidney A. Court Maxims. P. 85.

⁴¹ Sidney A. Court Maxims. P. 15.

⁴² Ibid. P. 16.

⁴³ Ibid. P. 17.

цитаты из Ветхого и Нового заветов, ссылки на труды античных и современных ему философов, историков, юристов. Но насколько «Придворные максимы» проливают свет на характер политических взглядов этого незаурядного человека? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего, несмотря на солидный опыт практической политической деятельности Сиднея, принять тот факт, что он прежде всего был теоретиком и все написанное им — это не конкретная политическая программа, а прежде всего язык и философия свободы. «Популярность творчества Сиднея по обе стороны Атлантики — лучшее свидетельство влияния и потенциала этого языка»⁴⁴. Именно свобода — центральное понятие в творчестве Сиднея, и, наш взгляд, абсолютно справедливы слова о нем британского историка Г. Гуча: «Идолом для Сиднея была свобода, а исторические изыскания подвели его к мысли, что ее (свободу. — И.Э.) можно отыскать под масками различных конституционных форм»⁴⁵. Сходную концепцию выдвинул неоднократно цитируемый здесь Квентин Скиннер, причисливший Сиднея к пантеону так называемых «неоримских» авторов: «...теория свободы неоримских авторов XVII века — составляет ядро их мысли, определяет ее специфику. Именно их анализ гражданской свободы в большей степени, чем их часто двусмысленный республиканизм и несомненная привязанность к политике добродетели, делает их приверженцами определенной идеологии и даже членами единой школы мысли»⁴⁶.

Понятие «свобода» трактуется Сиднеем в республиканском или «неоримском» ключе в тесном сплетении с идеей естественных прав и общественного договора, и в этом же духе выдержаны моральные и правовые аргументы, используемые им для обоснования своей позиции. Народ должен сам выбирать для управления собой тех, кого сочтет достойным для выполнений этой функции, он должен быть обеспечен гарантиями верховенства закона над властью, и все группы населения должны обладать шансом участвовать в принятии политических решений, касающихся как их самих, так и гражданского коллектива в целом.

Сидней много размышлял над тем, как с помощью конституционных механизмов и до каких пределов следует оберегать и одновременно ограничивать индивидуальную свободу, чтобы правительство смогло существовать, а свобода осталась бы в неприкосновенности. При этом он, равно как и другие республиканцы, рассматривает свободу в неразрывной связи с ее антиподом — рабством, упуская из виду такое понятие, как равенство. Дж. Скотт отмечал, что политическая теория Сиднея покоится на признании не равенства, а скорее неравенства, или разнообразия людей, естественного (в мудрости, доблести, добродетели, опыте) и искусственного (по статусу, объему властных полномочий).

На наш взгляд, на характер политических воззрений Сиднея проливают свет его рассуждения о причинах Реставрации и недовольства англичан реставрационным режимом. Перед аналитическим умом мыслителя встал вопрос, который два века спустя сформулирует Алексис де Токвиль в своем знаменитом труде «Старый порядок и революция»: почему революция, начинающаяся в обстановке энтузиазма и морального подъема, неизбежно приводит к одному и тому же результату — установлению авторитарного режима и деспотии? И когда «это могучее поколение, которое начало революцию, было истреблено или впало в бессилие, как это обычно бывает с каждым поколением, предпринимающим такие деяния... растерявшаяся нация начинает как бы ощупью искать себе господина»⁴⁷. Сиднея поражает и шокирует моральный переворот, произошедший с англичанами за двадцать лет. С одной стороны, он убежден, что его соотечественники сохранили революционный дух, но с другой — интуитивно приходит к выводу о том, что любой народ по своей природе консервативен, и потому с трудом адаптируется к резким изменениям. Здесь можно сделать следующее логическое умозаключение: в сознании Сиднея постепенно укореняется мысль о предпочтительности преобразования общественно-политического устройства эволюционным путем и строго в пределах конституционного пространства.

«Придворные максимы» Сиднея, вобрав в себя черты эпохи, иллюстрируют эволюцию английского республиканизма в постреволюционный период, а сам он выступает как безусловно трагическая фигура человека, пережившего жестокий идейно-нравственный кризис, но, несмотря

⁴⁴ Worden B. Republicanism and the Restoration // Republicanism, liberty and commercial society. 1649–1776 / ed. by D. Wootton. Stanford, 1994. P. 174.

⁴⁵ Gooch G.P. Political thought in England. From Bacon to Halifax. L.: Cambridge University press, 1955. P. 131.

⁴⁶ Скиннер К. Свобода до либерализма. С. 31–32.

⁴⁷ Токвиль А. де. Старый порядок и революция / пер. с фр. М. Федоровой; Моск. филос. фонд. М., 1997. URL: http://krotov.info/library/19_t/ok/vil_01.htm.

на это, сохранившего преданность своим идеалам. И абсолютно непринципиально, относят ли его к «первоклассным» политическим мыслителям, предлагал ли он конкретные модели, проекты или просто анализировал общие правовые проблемы, такие как неприкосновенность частной собственности или демократизация судебного процесса, можно ли свести его взгляды в цельную политико-философскую систему, и, наконец, какой форме правления он отдавал предпочтение. Как верно отмечала М.А. Заводовская, уникальность личности Сиднея видится в бескомпромиссности его борьбы с тиранией во всех ее проявлениях, олицетворяемой в его случае династией Стюартов. Он вел эту борьбу и в жизни, и на страницах своих произведений, что добавляло экспрессивности его текстам, хотя и мешало излагать свою позицию подобно Тациту, “sine ira et studio” (без гнева и пристрастия. — И.Э.), и довел ее до логического максимума, чтобы современники, а потом и исследователи в течение более трехсот лет спорили, за что же он сложил голову на эшафоте — за «славное доброе дело» республиканизма или за принципы грядущего конституционализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Текст] // Соч. : в 2 т. — Т. 2. — М. : Мысль, 1991. — 731 с.
2. Заводовская, М.А. К вопросу о естественном праве и теории общественного договора в трактате Алджернона Сиднея «Рассуждения о правительстве» [Текст] // Вестник Тюменского государственного университета. Исследования. Humanitates. — 2011. — № 2. — С. 46–50.
3. Ковалевский, М.М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений [Текст]. — М., 1906 (Тип. И.Д. Сытина). — Т. 3. — 292 с.
4. Праздников, А.Г. Социальные стратегии английских лордов периода Войн роз [Текст] // Проблемы и перспективы социально-экономического развития на макро- и микроуровне : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. — Киров : Вятская ГСХА, 2016. — С. 132–134.
5. Праздников, А.Г. Лорды периода Войн роз: модели социального поведения в период политического кризиса 1452–1461 годов [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. — 2016. — № 3(52). — С. 38–43.
6. Скиннер, К. Свобода до либерализма [Текст]. — СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2006. — 120 с.
7. Тонер, Дж., Марк Сидоний Фалкс. Как управлять рабами [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://mreadz.com/read-276804/p58>.
8. Токвиль, А. де. Старый порядок и революция [Электронный ресурс] / пер. с фр. М. Федоровой ; Моск. филос. фонд. — М., 1997. — Режим доступа : http://krotov.info/library/19_t/ok/vil_01.htm.
9. Эрлихсон, И.М. Эволюция английской республиканской утопии в эпоху Реставрации [Текст] // Вопросы истории. — 2008. — № 10. — С. 149–157.
10. Gooch, G.P. Political thought in England. From Bacon to Halifax [Text]. — L. : Cambridge University press, 1955. — 276 p.
11. Republicanism, liberty and commercial society. 1649–1776 [Text] / ed. by D. Wootton. — Stanford, 1994. — 501 p.
12. Sidney, A. Court Maxims [Text]. — Cambridge : Cambridge university press, 1996. — 260 p.

REFERENCES

1. Gobbs, T. Levafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo [Text] // Soch. : v 2 t. — T. 2. — M. : Mysl', 1991. — 731 s.
2. Zavodovskaya, M.A. K voprosu o estestvennom prave i teorii obshchestvennogo dogovora v traktate Aldzhernona Sidneya «Rassuzhdeniya o pravitel'stve» [Text] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Issledovaniya. Humanitates. — 2011. — № 2. — S. 46–50.
3. Kovalevskij, M.M. Ot pryamogo narodopravstva k predstavitel'nomu i ot patriarhal'noj monarhii k parlamentarizmu. Rost gosudarstva i ego otrazhenie v istorii politicheskikh uchenij [Text]. — M., 1906 (Tip. I.D. Sytina). — T. 3. — 292 s.
4. Prazdnikov, A.G. Social'nye strategii anglijskikh lordov perioda Vojn roz [Text] // Problemy I perspektivy social'no-ehkonomicheskogo razvitiya na makro- i mikrourovne : sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Kirov : Vyatskaya GSKHA, 2016. — S. 132–134.
5. Prazdnikov, A.G. Lordy perioda Vojn roz: modeli social'nogo povedeniya v period politicheskogo krizisa 1452–1461 godov [Text] // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina. — 2016. — № 3(52). — S. 38–43.

6. Skinner, K. Svoboda do liberalizma [Text]. — SPb. : Izd-vo EUSPb, 2006. — 120 c.
7. Toner, Dzh., Mark Sidonij Falks. Kak upravlyat' rabami [Elektronnyj resurs]. — Access : <http://mreadz.com/read-276804/p58>.
8. Tokvil', A. de. Staryj poryadok i revolyuciya [Elektronnyj resurs] / per.s fr. M. Fedorovoj : Mosk. filosofskij fond. — M., 1997. — Access: http://krotov.info/library/19_t/ok/vil_01.htm.
9. Erlihson, I.M. Ehvoluciya anglijskoj respublikanskoj utopii v ehpohe Restavracii [Text] // Voprosy istorii. — 2008. — № 10. — S. 149–157.
10. Gooch, G.P. Political thought in England. From Bacon to Halifax [Text]. — L. : Cambridge University press, 1955. — 276 p.
11. Republicanism, liberty and commercial society. 1649–1776 [Text] / ed. by D. Wootton. — Stanford, 1994. — 501 p.
12. Sidney, A. Court Maxims [Text]. — Cambridge : Cambridge university press, 1996. — 260 p.

I.M. Erlihson

A. SIDNEY'S POLITICAL VIEWS IN THE 1660s (BASED ON "COURT MAXIMS", 1665)

The paper analyzes the political work "Court Maxims" written by Algernon Sidney (1622–1683), an outstanding English political philosopher of the 17th century. Starting with the 18th century, A. Sidney's philosophical heritage has been in constant focus of historiographers. However, the philosopher's political views have never been treated unanimously. The author of the article maintains that A. Sidney is both an adherent of liberal constitutionalism and a proponent of English republicanism, both a theoretician and a practitioner. The work "Court Maxims", which was published in the 1970s, threw some light on the evolution of the political philosopher's views. In his work, A. Sidney focuses on key issues of political philosophy of that period, namely on the issues of freedom and slavery, separation of powers, royal prerogative, the Restoration of the monarchy, corruption, relations between people and the state.

A. Sidney, England, republicanism, absolutism, Restoration, freedom, public thought.